
IN MEMORIAM

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

КАВКАЗОВЕД В.Х. КАЖАРОВ: ТРУДЫ ПО ЧЕРКЕССКОМУ ФЕОДАЛИЗМУ*

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, fo7799@gmail.com

© Ф.А. Озова, 2024

Аннотация. Статья посвящена одному из ведущих современных российских ученых, внесших значительный вклад в развитие исторического кавказоведения, доктору исторических наук В.Х. Кажарову. Историк разработал многие аспекты аграрной и этнополитической истории, в частности проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX в., а также вопросы духовной и интеллектуальной истории.

Применив при анализе истории базовых институтов черкесского социума (вотчина-община / къуажэ, сословно-представительное собрание / хасэ, великий князь / пшышхуэ) структурный подход, ученый сформулировал концепцию кризиса феодалных отношений в Черкесии и решил проблему причин дивергенции путей общественного развития аристократических и демократических политий страны.

Без учета результатов исследований В.Х. Кажарова невозможно понимание социально-политической истории всего Северного Кавказа.

Ключевые слова: В.Х. Кажаров, истоки, философско-историческое мировоззрение, Хасэ, къуажэ, дивергенция, аристократический восток, демократический запад

Для цитирования: Озова Ф.А. Кавказовед В.Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 86–108. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

Original article

CAUCASIAN STUDY V. KH. KAZHAROV: WORKS ON CIRCASSIAN FEUDALISM

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Order “Badge of Honor” of the Institute of Humanitarian Research named after Kh. Kh. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com

© F.A. Ozova, 2024

Abstract. The article is dedicated to one of the leading modern Russian scientists who made a significant contribution to the development of historical Caucasian studies, Doctor of Historical Sciences V.Kh. Kazharov. The historian developed many aspects of agrarian and ethno-political history, in particular the problems of innovations and transformations

* Перепечатывается с ранее опубликованной статьи: Озова Ф. А. Кавказовед В. Х. Кажаров: труды по черкесскому феодализму // История и историки. Историографический вестник / Институт Российской истории РАН. М.: Наука, 2015–2019 гг. / Отв. ред. чл.-кор. РАН А.Н. Сахаров. 2021. С. 304–328.

of traditional political culture of the late 18th – 19th centuries, as well as issues of spiritual and intellectual history.

Having applied a structural approach to the analysis of the history of the basic institutions of Circassian society (patrimony-community / kuazhe, estate-representative assembly / khase, grand duke / pshchyshkhue), the scientist formulated the concept of the crisis of feudal relations in Circassia and solved the problem of the causes of the divergence of the paths of social development of the aristocratic and democratic polities of the country.

Without taking into account the results of V. Kh. Kazharov's research, it is impossible to understand the socio-political history of the entire North Caucasus.

Keywords: V.H. Kazharov, origins, philosophical and historical worldview, Khase, kuazhe, divergence, aristocratic East, democratic West

For citation: Ozova F.A. Caucasian study V.Kh. Kazharov: works on circassian feudalism. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2024; 2 (61): 86–108. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-86-108

*Главные биографические факты – книги,
важнейшие события – мысли.*

В.О. Ключевский

Научное творчество доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской Республики, лауреата Государственной премии КБР (1997), заведующего отделом исторических наук Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (далее – КБИ-ГИ) (1993–2013) Валерия Хашировича Кажарова пришлось на переломные десятилетия рубежа XX–XXI вв. Для В.Х. Кажарова, происходившего по российским меркам из такой глубокой провинции, как город Нальчик, никогда не был характерен, говоря словами А.Я. Гуревича, «культурный изоляционизм и интеллектуальный провинциализм [Гуревич 1991: 501]. Само провидение, казалось, подготовило его к историографической революции, разразившейся в отечественной гуманитарной науке в последнее десятилетие XX в. Его капитальные исследования по истории черкесского феодализма, осуществлявшиеся в 1980 гг. фактически в стол, оказались востребованы в начале 1990-х гг. и были опубликованы одно за другим [Кажаров 1992а, 1992б, 1994]. Круг научных интересов ученого также в полной мере соответствовал тенденциям развития мировой исторической мысли конца XX в. Историк разрабатывал множество аспектов аграрной и этнополитической истории, проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX вв., важнейшие стороны духовной и интеллектуальной истории, ментальности и исторического сознания черкесов. Казалось бы, очень далекие друг от друга темы обретали в конечном итоге в трудах В.Х. Кажарова гармоничную целостность, актуализируя и выдвигая на первый план парадигму познания человека через его социальное и ментальное измерения.

Идеи и манера исследования, заложенные В.Х. Кажаровым, как и его личность, притягивавшая людей как магнит в силу своей внутренней свободы, духовного, нравственного и интеллектуального потенциала, оказывали огромное влияние на его коллег. В.Х. Кажаров еще при жизни был признан основателем собственной научной школы кавказоведения [Бгажноков 2009: 6], [Абазов, Губжоков и др. 2009: 19]. Однако заданная историком планка оказалась так высока, что по прошествии трех десятилетий, мы не можем назвать ни одной работы, сопоставимой по глубине анализа и масштабности поднимаемых проблем с исследованиями ученого. Его концепция развития черкесского феодализма не была существенно дополнена, намеченная им линия системного анализа не получила дальнейшего развития [Кажаров 2012а: 34]. В данной связи представляется актуальным выявление в трудах историка узловых проблем черкесского феодализма и путей их дальнейшего комплексного изучения.

Труды В.Х. Кажарова

Научное наследие Кажарова, несмотря на многочисленное обращение к нему историков (к примеру: [Семенов 1998: 16], [Боров, Азикова 2008: 6–12], [Губжоков 2014: 236–238], [Кажаров 2012а: 34–36], [Бгажноков 2009: 3–6], [Абазов, Губжоков и др. 2009: 7–44]), только ждет своего должного осмысления, но уже очевидно, что оно составляет веху не только в кавказоведении, но и в российской историографии в целом. Нет сомнения в том, что исследования В.Х. Кажарова могут быть причислены к числу трудов такой плеяды ученых-кавказоведов, как К.Ф. де Сталь, Н.И. Карлгоф, Ш.Б. Ногмов, С. Хан-Гирей, Е.Д. Фелицын, М.О. Косвен, Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Е.Н. Кушева, Р.У. Туганов, Т.Х. Кумыков, С.А. Арутюнов. Монография В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» сразу же после выхода в свет была особо отмечена в контексте анализа истории развития мировой и отечественной этнологии [Семенов 1998: 16].

Значительное место в научном наследии ученого занимают проблемы изучения черкесского феодализма. Им были посвящены его кандидатская и докторская диссертации и изданные на их основе фундаментальные монографии [Кажаров 1981: 65–80], [Кажаров 1982], [Кажаров 1992], [Кажаров 1993], [Кажаров 1994], [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. Определенный итог исследованиям по этой проблематике был подведен В. Х. Кажаровым в «Адыгской (черкесской) энциклопедии» (М., 2006). Основополагающие труды В.Х. Кажарова в этой области можно назвать методическими ключами к макро- и микро-исследованиям социально-политической и социально-экономической истории Кавказа, в силу чего ни одна работа по истории длительной феодальной эпохи на Кавказе не может обойтись без учета их результатов.

Коллеги отмечают, что «участие В.Х. Кажарова в том или ином научном проекте было гарантией его успеха» [Губжоков 2014: 237]. В связи с актуализацией конфессионального дискурса в Российской Федерации вопрос о роли религиозных институтов в жизни общества, как в ретроспективе, так и в перспективе, приобрел на рубеже 1990–2000 гг. новое звучание. В 2002 г. под руководством В.Х. Кажарова в Кабардино-Балкарской Республике была осуществлена совместная комплексная этнографическая экспедиция сотрудников Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая и КБИГИ. По ее итогам в РГНФ была представлена рукопись обширной монографии «Ислам в КБР».

В 2005 г. под руководством В.Х. Кажарова издано уникальное по своей источниковой ценности собрание черкесских песен времен Кавказской войны. Предисловие В.Х. Кажарова «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» [Адыгские песни ... 2005] имеет важное методологическое значение для разработки проблем исторической памяти, традиционализма и новаторства в политической культуре черкесов.

Выход в свет «Адыгской (черкесской) энциклопедии» остается беспрецедентным событием не только для черкесов, но и для всех народов Кавказа. Очевидна выдающаяся роль В.Х. Кажарова в реализации этого проекта. Здесь проявились и талант ученого, и его значительные научно-организаторские способности. В энциклопедии впервые в отечественной историографии была наиболее полно воссоздана целостная картина тысячелетнего исторического пути черкесского этноса.

В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи», в которой В.Х. Кажаров выступил автором и соавтором многих глав. Она получила высокую оценку профессионального сообщества, как в России, так и за рубежом [Губжоков 2014: 237].

В последние годы В.Х. Кажаров уделял особо пристальное внимание разработке проблем интеллектуальной истории, исторической ментальности и в этом

контексте – исторической памяти и историческому сознанию своих соотечественников. Осмысление данных тем базировалось на анализе интеллектуального наследия знаковых личностей, не только представлявших социальную и политическую элиту, но и оставивших глубокий след в истории Черкесии и в историческом сознании народа. Среди них были Жабаги Казаноко [Кажаров 2005а: 301–328], Шора Ногмов [Кажаров 2005б: 326–344] Измаил-бей и Адиль-Гирей Атажукины, Исхак Абуков [Кажаров 2006: 500–511]. В 2012 г. вышла первая из планировавшихся им работ по анализу исторического сознания черкесов (кабардинцев). Однако исследованию «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.» суждено было, к сожалению, стать не первым, а последним трудом из запланированного им интереснейшего и большого научного проекта [Кажаров 2012а: 5].

Размышления ученого в контексте изучения различных видов исторической памяти, о социальной ответственности историка, являющегося профессиональным хранителем этой памяти, остались напутствием его ученикам и последователям. Сам В.Х. Кажаров, державший высокую нравственную планку не только в своем научном творчестве, но и в жизни, доказал, что историк должен быть достоин этого высокого звания.

Истоки

Поиски истоков интеллектуального прорыва, совершённого В.Х. Кажаровым в кавказоведении, ведут в его послевоенное детство и пришедшуюся на «хрущевскую оттепель» юность.

Валерий Хаширович Кажаров родился в 1949 г. в селении Сармаково Нагорного района Кабардинской АССР в семье ветерана Великой Отечественной войны. Вскоре его родители врачи-стоматологи обосновались в г. Баксане. В школе он учился блестяще, успевая при этом отдавать достаточно много времени любимому футболу, общению с друзьями, связь с которыми сохранил на всю жизнь.

Увлечение историей у В.Х. Кажарова шло из детства. Как это бывает часто, оно углубилось под влиянием школьного учителя истории Л.С. Шогенова. Вместе с ним ученики, в числе которых был и В.Х. Кажаров, участвовали в археологических раскопках под руководством известного археолога Н.А. Шафиева. В 1966 г. Кажаров, закончив с золотой медалью среднюю школу, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета (далее – КБГУ).

Университет в г. Нальчике представлял во второй половине 1960-х гг. подлинный оазис просвещения, где сосредотачивалась по-настоящему талантливая и пытливая молодежь. Достаточно сказать, что Кажарову при поступлении на историческое отделение историко-филологического факультета пришлось выдержать конкурс в 12 человек на место. Среди тех, кто учился с ним одновременно, были впоследствии видные историки Н.Ф. Бугай, Б.Х. Бгажноков, лингвист и писатель Б.К. Утижев. На факультете преподавали такие крупные кавказоведы, как Т.Х. Кумыков, Е.Дж. Налоева.

Уже в студенческие годы за В.Х. Кажаровым закрепилось реноме блестящего интеллектуала и очень светлого человека, он был удостоен уважения не только сверстников, но и многих авторитетных и любимых студентами преподавателей. Творческая атмосфера в университете проявлялась и тем, что студенты много читали, дискутировали по различным научным и философским проблемам. В.Х. Кажаров особенно охотно посещал богатую научной литературой районную библиотеку в родном Баксане. Он проявлял живой интерес к философским трудам, любовь к которым была привита ему его старшим братом, физиком по специальности, Борисом. Будущий историк особенно почитал пронизанное насквозь

постулатами об этических императивах учение основателя немецкой классической философии Иммануила Канта. Это юношеское увлечение имело значительное влияние на научную судьбу ученого (впрочем, как и на научную судьбу разделявшего его интерес к философии, Б.Х. Бгажнокова, ставшего известным благодаря своей «Адыгской этике» (Нальчик, 1999)). Основные принципы кантианства в значительной мере определили пристрастие В.Х. Кажарова к вопросам исторической гносеологии. Юношеский выбор не был случайным, если взглянуть на учение И. Канта с точки зрения ценностей черкесской ментальности, ярким носителем лучших черт которой — честности, человечности, благородства, чувства долга — был сам В.Х. Кажаров. Таким образом, очевидно, что система черкесского миропонимания, никогда не выходящая из поля научного интереса историка, была важнейшим фактором его развития как ученого. В этом отношении показательный случай, оставшийся в памяти друзей семьи Кажаровых. Когда мама-врач указала своему сильно увлекавшемуся чтением сыну-четверокласснику на необходимость побережь здоровье и не проводить так много времени за книгами, он ответил: «Как же ты не понимаешь, мама, ведь я читаю не для себя, а для народа».

Важную роль в формировании мировоззрения ученого сыграло знакомство с трудами Г.В.Ф. Гегеля. Молодой человек был впечатлен не только его историко-философской доктриной, но и трактовкой места черкесов в историческом процессе [Гегель 1977: 61, 63]. Научное творчество В.Х. Кажарова с очевидностью говорит о том, что историк навсегда усвоил уроки гегельянства о том, что движущей силой истории является сознание людей.

В.Х. Кажаров пронес любовь к философии через всю жизнь, собрав значительную личную библиотеку из произведений любимых мыслителей. Этот опыт, несомненно, способствовал чуткости историка к теоретическо-методологической проблематике и к историографическим инновациям. Все его предпочтения в области методологии, как оказалось впоследствии, были так или иначе связаны с авторами, являвшимися в свою очередь почитателями классической немецкой философии. Среди них — патриарх голландской медиевистики Йохан Хейзинга (1872–1945), представители всех трех периодов французской школы «Анналов», Клод Леви-Строс (1908–2009), Мишель Фуко (1926–1984). В последние годы жизни В.Х. Кажаров уделял больше внимания антропологическим проблемам черкесского общества, стремясь осмыслить бытие его представителей сквозь призму исторически менявшихся в нем ценностных идеалов, моральных принципов и норм. В связи с такой постановкой проблемы особую актуальность для него стал представлять экзистенциально-антропологический подход. Одним из последних авторов, к которым обращался историк, был Ж.-П. Сартр (1905–1980).

Формирование философско-исторического мировоззрения

После окончания КБГУ В.Х. Кажаров отправился в Москву для поступления в аспирантуру Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ныне — Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая). В 1971–1975 гг. он прошел курс аспирантуры под руководством выдающегося ученого заведующего сектором Кавказа Института этнографии АН СССР В. К. Гарданова (1961–1985). По воспоминаниям сотрудников Отдела Кавказа он отличался от всех других аспирантов «своими глубокими познаниями, нестандартностью мышления, глобальностью задумок» [Губжоков 2014: 236].

В.Х. Кажаров с головой окунулся в работу в крупнейших архивах и ведущих библиотеках столицы. Очевидно, что уже в ходе работы над кандидатской диссертацией стали складываться теоретико-исторические взгляды В.Х. Кажарова. Тема исследования «Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (Поземельные отношения)» была, с одной стороны, в значительной мере связана с русской

историографической традицией, а с другой — с марксистско-ленинским учением об общественных формациях. В ходе работы над источниками и историографией Кажаров выявил, что данная проблематика в дореволюционной историографии не была разработана в достаточной мере, а в советской — идеологизирована и окутана устаревшими, примитивизированными представлениями. Позднее В.Х. Кажаров отмечал: «Сложилась ситуация, когда существование у них (черкесов. — О.Ф.) сельской общины воспринималось как нечто самоочевидное при полном отсутствии сколько-нибудь серьезных попыток конкретного описания ее элементов и функций, не говоря уже об отсутствии комплексного, системного ее исследования» [Кажаров 1993: 13].

В.Х. Кажаров предпринял изучение аграрного строя черкесского феодального общества через призму марксистской теории и методологии [Кажаров 1982: 9], рассматривавшей под общественными формациями и, в частности под феодализмом, целостный социальный организм. Солидное философское самообразование способствовало достаточно последовательному и творческому использованию им марксистской методологии. Многим тонкостям изучения аграрного строя он научился, осваивая труды российских классиков аграрной истории и медиевистики. Это были, прежде всего, сочинения А.И. Неусыхина, А.А. Кауфмана, М.А. Дьяконова, К.Р. Качаровского, Е.А. Косминского, М.А. Барга, С.Д. Сказкина, А.Р. Корсунского, А.Я. Гуревича, Л.В. Черепнина, А.П. Новосельцева. Позднее В.Х. Кажаров отмечал, что для анализа поземельных отношений черкесов в своей квалификационной кандидатской работе он использовал структурно-функциональный и историко-генетический методы, строго разграничив и скоординировав их в рамках системного подхода [Кажаров 1992: 13].

По окончании аспирантуры В.Х. Кажаров вернулся в Нальчик. Здесь ряд лет он не мог трудоустроиться по специальности, был вынужден по протекции отца, известного в республике врача, занять должность заведующего Общекурортным музеем г. Нальчика (октябрь 1975 – ноябрь 1979). Все попытки его друзей, хорошо знавших и понимавших абсолютное несоответствие психотипа личности Кажарова и характера занятой им должности, получить для него работу в небогатом научными учреждениями Нальчике заканчивались неизменным отказом. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, историк не прекращал научных изысканий. Наконец, в 1980 г. он был принят в КБНИИ (так назывался КБИГИ до 1997 г.) на должность старшего лаборанта сектора этнографии.

В 1982 г. в Институте этнографии АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации В. Х. Кажарова «Сельская община у адыгов в первой половине XIX в. (Поземельные отношения)». Им был сделан вывод о бытовании в первой половине XIX в. у черкесов не архаической, а феодальной сельской общины. «Но дальнейшая реализация системного подхода выявила несостоятельность и этого определения», — писал он сам позднее [Кажаров 1993: 13].

Существенное влияние на формирование философско-исторических взглядов ученого оказали общественно-политические процессы в обществе 1980–1990-х гг., связанные со сменой социально-экономической парадигмы развития страны. В эти десятилетия произошло критическое переосмысление советского историографического проекта, приведшее к снижению «эвристической значимости марксистского мировоззрения» [Иллерицкая 2009: 162, 163]. В контекст этого «интеллектуального плюрализма» [Иллерицкая 2009: 163] органично вписалось и научное мировоззрение Кажарова. Трудно переоценить влияние на развитие исторического мышления ученого (как, впрочем, и многих историков его поколения) публикаций на русском языке фундаментальных трудов европейских мыслителей, определявших развитие исторической науки в мире на протяжении всего XX столетия.

Особенно импонировало В.Х. Кажарову научное творчество Йохана Хейзинги (1872–1945). Из его трудов, ставших предтечей французской школы «Анналов»,

Валерий Хаширович выделял «Осень средневековья» (1919) (издана на русском языке в 1988 г.). Совершенно логично, что почитатель творчества Канта В.Х. Кажаров полюбил научное творчество Йохана Хёйзинги, насквозь пронизанное стремлением к нравственному императиву. Историк, разделяя взгляды Хёйзинги на сущность истории как духовной формы, в которой нация отдает себе отчет о своем прошлом, также разделял его научное кредо о возможности объективного исторического познания и веру в его нравственную миссию.

Идеи, заложенные в трудах всех поколений школы «Анналов», а особенно первого и второго, получили развитие в капитальных монографиях В.Х. Кажарова «Адыгская вотчина» и «Адыгская Хаса». Эти названия наглядно демонстрируют отход В.Х. Кажарова от распространенного в советской историографии метода «коллекционирования фактов» и его предпочтение подходу «история-проблема». Последний в числе прочих задач предполагал поиск «в прошлом ответов на актуальные проблемы современности» [Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011: 56]. Влиянием школы «Анналов» можно объяснить также и постоянное стремление В.Х. Кажарова к междисциплинарному, прежде всего, историко-социологическому анализу социально-политических институтов в контексте особенностей черкесской ментальности.

В 1981 г. В.Х. Кажаров представил концепцию [Кажаров 1981: 66–69], развитую чуть позднее в исследовании «Кризис традиционного феодализма в Кабарде...» и составившую основу докторской диссертации. Этот труд, заверченный в основном еще в 1986 г., был опубликован только в постсоветский период [Бгажкоков 2009: 3], [Кажаров 2012: 34].

В 1988–1991 гг. В.Х. Кажаров являлся докторантом Института этнологии и антропологии РАН (далее – ИЭА РАН). В эти годы он продолжал трудиться над проблемами черкесского феодализма. Как уже отмечалось, в начале 1990-х гг. стало возможным издание его исследований. Они были опубликованы одно за другим в течение трех лет: «Адыгская хаса» (1992), «Адыгская вотчина», (1993), «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX вв.» (1994).

Историк использовал в них наряду с марксистскими, методы школы «Анналов» и неопозитивизма, структурализма Клода Леви-Строса, и последние явно доминировали. В докторской диссертации ключевое место заняли понятия «структура» и «трансформация» [Энафф 2010: 29]. Надо отметить, что В.Х. Кажаров опроверг с помощью этих понятий представления их создателя Леви-Строса о принадлежности черкесского социума к «примитивному» типу обществ.

Научным консультантом историка был А.И. Першиц. Немногословный и скупой на похвалу Абрам Исаакович «называл Валерия Хашировича талантливейшим человеком и высоко ценил его теоретические построения» [Губжоков 2014: 236]. В 1994 г. В.Х. Кажаров защитил в Институте этнологии и антропологии РАН докторскую диссертацию. Защита прошла блестяще, диссертация имела большой резонанс в научном сообществе. Присутствовавший на ней З.А. Кожев (в то время – аспирант ИЭА РАН) вспоминает, что этнолог Я.В. Чеснов отмечал: «В области исследования общественных институтов, работу Кажарова на сегодняшний день попросту не с чем сравнить».

В эти годы пошла вверх и научная карьера В.Х. Кажарова. В июле 1993 г. он стал заведующим отделом истории КБНИИ. Деидеологизация научной деятельности, имевшая место в 1990-е гг., в результате которой российское историографическое пространство стало развиваться «как полифоническая система, в рамках которой сосуществуют различные направления, исследовательские проекты, идеи и тенденции» [Иллерицкая 2009: 163] способствовала появлению адекватной оценки трудов В.Х. Кажарова не только на научном, но и на общественном уровне. В 1997 г. монография «Традиционные общественные институты кабардинцев

и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX вв.» была удостоена Государственной премии КБР в области науки. В 1999 г. за большой вклад в развитие исторической науки в КБР В.Х. Кажарову присвоили звание «Заслуженный деятель науки КБР».

В.Х. Кажаров был блистательным организатором науки. Его руководство отделом истории в КБИГИ было отмечено значительным институциональным развитием. Благодаря Кажарову отдел истории вырос в мощное научное подразделение – отдел исторических наук КБИГИ, состоявший из четырех секторов – истории, этнологии, источниковедения, археологии и групп по изучению генеалогии и проблем современного развития общества [Бгажноков 2009: 5–6]. В 1996 г. в КБИГИ были открыты аспирантура и докторантура по историческим дисциплинам. В 2005 г. при активном участии историка стал издаваться приобретший сразу же успех не только в среде профессионального сообщества, но и у широкой читательской аудитории любителей истории «Исторический вестник», главным редактором которого он неизменно оставался до конца жизни. Создание журнала дало мощный импульс кавказоведческим исследованиям в регионе. Здесь публиковались статьи многих именитых авторов не только РФ, но и всего постсоветского пространства. В их числе имелось множество работ и самого историка. Их отличало, как и все его изыскания, интересное и важное для развития кавказоведения методологическое и концептуальное наполнение [Кажаров 2005а], [Кажаров 2005б], [Кажаров 2006а], [Кажаров 2006б], [Кажаров 2006в], [Кажаров 2008а], [Кажаров 2008б], [Кажаров 2008в], [Кажаров 2012б], [Кажаров 2012в].

Таким образом, живой интерес к философским проблемам, накопленный В.Х. Кажаровым с юности солидный багаж знаний в самых различных областях социологии, европейской, русской и кавказской истории способствовали формированию у него так ярко проявившихся во всех его трудах многомерного научного мировоззрения и развитого исторического мышления. Тонкую научную интуицию и проницательность историка можно объяснить также его глубокой связью со своим народом, в гуще которого он прожил всю свою жизнь.

Социальная единица черкесского общества

В.Х. Кажаров внес важный вклад в системное изучение институциональной истории феодальной Черкесии и, прежде всего, структурообразующей единицы черкесского феодального социума вотчины-общины (къяужэ). В капитальной монографии «Адыгская вотчина» В.Х. Кажаров показал, что структурообразующей единицей черкесского феодального общества являлась не сельская община, как это считалось ранее [Кажаров 1993: 6–15], а вотчина-община (къяужэ), где лексема *вотчина* отражала сущность этого социального института, а лексема – *община* – его форму. Именно в силу этой особенности социально-политического развития черкесов имело место противоречие между различными сведениями источников: одна часть показывала высокий уровень феодальных отношений, а другая отмечала бытование в Черкесии черт архаической общины [Кажаров 1993: 6–15]. Благодаря фундаментальным философским познаниям В.Х. Кажарову удалось раскрыть существование феодальной вотчины в *форме* архаической общины, что позволило снять имевшийся гносеологический конфликт. Таким образом, заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он извлек из архаической «оболочки» ее содержание – феодальную вотчину.

Историк показал, что вотчина «была тесно взаимосвязана со своим антиподом – сельской общиной» [Кажаров 1993: 3]. Он выявил, что аграрная структура феодального общества Черкесии состояла из наложенных друг на друга двух систем (1) феодальное землевладение и 2) общинное землепользование) [Кажаров 1981: 72] и трех подсистем (1) вотчина (структурообразующий элемент), 2) многосословность,

3) элементы общины [Кажаров 1992: 32]. В результате трансформации сельская община «перестала существовать как социальная организация, будучи полностью поглощенной вотчиной» [Кажаров 1994: 132]. Однако ее внутренняя структура, будучи исторически наиболее стабильной формой общественной жизни, стала одним из главных факторов, поддерживавших сохранение многих традиционных черт черкесского феодального общества [Кажаров 1981: 69]. Так, на протяжении всего периода существования феодальных отношений в черкесском социуме устойчиво сохранялась большая семья, «состоящая из нескольких поколений родственников по прямой линии» [История КБАССР 1967: 149]. Во многих обществах это было характерно для патриархально-общинных и раннефеодальных отношений. Вследствие такой особенности важнейшей чертой такого порядка стало то, что хозяйство феодала не было значительно крупнее хозяйства крестьянина. При этом феодал входил в общину наряду с другими членами на правах ее привилегированного члена [История КБАССР 1967: 71] – главы общины [История КБАССР 1967: 73]. Так проявлялось привилегированное положение сеньора, чьи права на землю были закреплены не юридически, а фактически. И именно в силу этого феодал обладал правовыми, экономическими и политическими привилегиями. Эксплуатация крестьян, представлявшая собой различные виды феодальной земельной ренты, прикрывалась «оболочками», представлявшими собой традиционные для архаической общины институты взаимопомощи [История КБАССР 1967: 71].

Вслед за Е.Дж. Налоевой, исследовавшей феодальную вотчину в сравнительно-историческом и юридическом аспектах [Налоева 1980: 20–21], Кажаров осуществил анализ вотчины как социальной единицы черкесского феодального общества. Он отмечал, что вотчинный принцип пронизывал всю институциональную инфраструктуру черкесского феодального общества. Ученый выявил, что понятие *вотчина* в черкесском языке является «крайне полисемантическим» [Кажаров 1993: 16], это родовое понятие разделялось на несколько видов. Вотчина-деревня или вотчина-община – *кьуажэ*, где черкесское село представляло собой пространственную проекцию особой социальной единицы, являлась основной, но не единственной, единицей феодального владения. Помимо нее существовали «фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлекотлешей и дигенуго), включавшие несколько деревень, вотчины поместья внутри села» [Кажаров 1993: 16, 17]. Таким образом, вся феодальная Черкесия была «разбита на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей относительности в условиях феодализма) прежде всего, связывал с положением вотчинника» [Кажаров 1994: 126, 127].

В.Х. Кажаров отмечал, что утверждение Н.И. Карлгофа о том, что «первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными» [Кажаров 1994: 126, 127], приблизило его к пониманию микроструктуры черкесского феодального общества. «Свободное семейство» Карлгофа, сохранив «оболочку» или внешние признаки родовой организации, представляло собой на самом деле социально-экономическую и социально-политическую единицу черкесского феодального социума – вотчину [Кажаров 1993: 83]. В.Х. Кажаров отмечал, что мелкие вотчины были «микроструктурой, микроэлементом, первичным элементом феодально-вотчинной системы, пределом ее делимости, за которым теряется ее основное качество. <...> Выражаясь образно, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей ее в одно целое» [Кажаров 1994: 121, 122].

Выводы В.Х. Кажарова подтверждаются исследованиями других авторитетных историков. В.А. Дмитриев, к примеру, на основе анализа сведений С. Хан-Гирея замечает, что описанные им адыгские роды или «семейства» (соответствовали

латинской *familia* в значении родового названия) не сохранили «своей роли организатора пространства расселения его членов» и представляли собой «ментальные конструкции» [Дмитриев 2004: 118–119]. А.И. Робакидзе, при ошибочности ряда положений его концепции «горского феодализма», точно подмечал, что сохранение формы «патронимической семьи» нового типа было обусловлено заинтересованностью самой феодальной системы «в наличии платежеспособных и трудоспособных семей, на которых держалось феодальное хозяйство» [Робакидзе 1978: 18].

Из десятков вотчин-общин (кьуажэ), являвшихся основными административно-хозяйственными, территориальными, социальными и административно-политическими единицами [Кажаров 1993: 15–17], состояли удельные вотчины, принадлежавшие фамилиям сеньоров, а они, в свою очередь, составляли княжества. Названия всех видов феодалов-вотчин происходили от патронимов [Русские авторы XIX века... 2001: 191].

Проблема типологии черкесского феодализма

Очевидно, что В.Х. Кажаров изначально не ставил перед собой честолюбивой задачи «перевернуть» все представления о социально-политической системе Черкесии, однако, получилось именно так. Общепризнано, что «выявление вотчины как структурообразующего элемента адыгского феодализма, исследование глубинных основ вотчинной организации, ее взаимосвязи с особенностями менталитета адыгов» [Бгажноков 2009: 4], стало большой научной заслугой В.Х. Кажарова, поставившей окончательную точку в вопросе об уровне и характере общественного развития черкесов в XVI–XVIII вв. и в спорах об «особом» историческом пути некогда самого многочисленного народа Кавказа – черкесов.

Проблема уровня социально-политического и социально-экономического развития Черкесии являлась одной из сложных в кавказоведении. В.Х. Кажаров отмечал, что в отечественной историографии доминировали взгляды, содержащие в себе по существу «две антитезы в понимании их общественного строя: как общинно-родового и как феодального» [Кажаров 1994: 50]. Через изучение аграрного строя, процессов генезиса, развития и кризиса черкесской вотчины-общины с помощью метода компаративистики историк доказал, что сходство западноевропейской и черкесской моделей развитой системы вассалитета, на которое обращали внимание многие авторы XV–XIX вв., а также российские государственные деятели, не являлось случайным совпадением внешних признаков. Эта близость была порождена органическим сходством аграрной эволюции. В качестве особенностей черкесского феодализма назывались, прежде всего, следующие черты:

1. Князя (пщы), обладая феодальной собственностью на землю, будучи верховным распорядителем всей земли княжеств, как и другие сеньоры (уэркъ), не имели своей запашки: они участвовали наряду с крестьянами в регулярном переделе пашенных наделов, им принадлежала запашка, которая зачастую не превышала размера крестьянского надела, а если и превышала, то незначительно. В отличие от крестьян у них была привилегия на «полный плуг», на который полагалось 8 быков, в то время как максимальный надел крестьян составлял участок земли, вспаханный 3 парами быков [Кажаров 1994: 87–89].

2. Доходы пши / пщы и уорков / уэркъ складывались, прежде всего, из ренты, получаемой с различных категорий крепостных крестьян [Кажаров 1994: 179].

3. Вслед за Н.И. Карлгофом [Карлгоф 1860: 517] и В.К. Гардановым [Гарданов 1967: 328] В.Х. Кажаров еще более убедительно показал, что полнокровные феодальные, а затем и демократические процессы развивались в Черкесии (XIX в.) исключительно внутри патриархальных и раннефеодальных форм – «оболочек» или «юридических фикций» [Кажаров 1994: 87].

Исследования В.Х. Кажарова позволяют сделать следующий шаг в сравнительном анализе черкесской и европейских феодальных систем, а также сопоставить так называемые специфические черты черкесского феодализма с типологическими чертами западноевропейского феодализма. Так, С.Д. Сказкин выделял такие характерные черты французского феодализма, как:

1. Сеньор, являвшийся феодальным собственником крестьянской земли, не имел «собственной запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию».

2. «Основной доход сеньора составляли денежные и натуральные платежи земледельцев, живущих на территории его сеньории, а не доход от собственного хозяйства, от его собственной запашки».

3. «Вплоть до XIX в. сеньориальный строй несет на себе следы своего раннефеодального происхождения» [Сказкин 1973: 199–200].

Наглядно, что идентифицированные как **специфические** для черкесского феодализма черты представляют собой не что иное, как **характерные** признаки феодального строя Западной Европы. Таким образом, несмотря на географическую отдаленность Черкесии от этой части света, можно утверждать, что структурно-институциональные исследования В.Х. Кажарова подтвердили: черкесский феодализм не только был близок «к европейскому типу феодализма» [Ковалевский 2006: 229], но и представлял собой один из его вариантов. Наряду с французским, итальянским и юго-западногерманским вариантами можно говорить и о черкесском варианте западноевропейского типа феодализма. Одно из объяснений такого совпадения состоит в общности древних архетипических начал общественного устройства в странах Европы и Черкесии, на что еще в 1848 г. обращал особое внимание Н.И. Карлгоф [Карлгоф 1860: 517].

Периодизация истории феодализма в Черкесии

В контексте изучения типологии черкесского феодализма не было удивительным стремление В.Х. Кажарова к выработке периодизации истории Средневековья, которая обнаружила бы маркеры, наиболее характерные черты того или иного периода и позволила бы выделить магистральную линию развития этноса.

В решении этой задачи важную роль сыграл структурный подход историка, выявление и разграничение им предметов исследования и дифференциации понятий [Кажаров 1981: 72–73]. Обращают на себя внимание особые усилия ученого в разделении черкесской социально-политической лексики как источниковых терминов, с одной стороны, и научных понятий – с другой. Такой подход способствовал значительному углублению многоаспектного анализа фундаментальных институтов черкесского социума. Это касалось, прежде всего, его социальной основы – вотчины-общины кьуажэ и важнейших элементов политической системы – законодательных сословно-представительных собраний Хасэ, пшышхуэ (великий князь), Главного или княжеского суда (Хей) и традиционного третейского суда Тхьэрыуэ Хасэ (букв. «Божий суд», суд присяжных) на протяжении XVIII–XIX вв.

На основе изучения вотчины-общины во временной динамике В.Х. Кажаров обосновал правомерность разделения истории феодализма в Черкесии на три стадии: генезис, зрелость, кризис. Процесс генезиса феодальных отношений датировался им V–XIII вв. [Кажаров 1994: 115], когда формировалась вотчина-община (кьуажэ) как социальная единица черкесского феодального общества. В XIV–XVII вв. феодализм достиг зрелости, доказательством чему является установление в черкесском обществе: 1) безраздельного господства феодальной земельной собственности; 2) безусловного торжества ее организационного воплощения – вотчины; 3) раскол общества на два резко поляризованных класса, исчезновение архаического слоя свободных общинников [Кажаров 1994: 135]. В XVI–XVII вв.

феодализм в Черкесии «обнаружил пределы своего роста» [Кажаров 1994: 135]. Таким образом, на основе трудов историка можно выделить следующие этапы развития феодализма в Черкесии [Кажаров 1994: 112–115, 135]:

1. Генезис. V–XIII вв.
2. Зрелость. XIV–XVII вв.
3. Кризис. XVIII–XIX вв.

Традиции государственно-политического устройства Черкесии

В государственно-политической истории черкесов выделяется два уровня: 1) архаический – с III тыс. до н.э. до XV в. и 2) исторический – с XV в. до XIX в. [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 5]. Эта периодизация достаточно условна и требует уточнений. Сегодня можно указать на необходимость большей степени ее корреляции с большими европейскими эпохами – Античностью, Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, нужна коррекция через призму вышеприведенной периодизации В.Х. Кажарова эпохи феодализма в Черкесии. В этом ракурсе развитие подхода В.Х. Кажарова к анализу системы политической культуры Черкесии путем дифференциации различных пластов государственно-политической традиции с точки зрения их места в политической культуре народа имеет серьезные исследовательские перспективы. Первый уровень институтов составлял фундамент «функционирования и последующих модификаций» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7] политической системы. Он объединял политические институты, которые, несмотря на определенную дискретность существования во времени, бытовали на протяжении всей истории политического существования народа. Второй – трансформации этих институтов, сохранившие «генетическую связь с прежней государственностью». В-третьих – имплицитные явления, скрытые в глубинных пластах этнической культуры и обладающие «определенным потенциалом ревитализации» [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. В.Х. Кажаров считал первоочередной задачей изучения явлений первого порядка, связанных с глубокими государственно-политическими традициями черкесов. К ним можно отнести, прежде всего: 1) тип государственности (маленькие политии и их союзы (благъагъэ)); 2) систему государственного управления (институты Хасэ и Тхъэмадэ); 3) институты социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство и др.), строившиеся на принципах союзничества (благъагъэ).

Проблема типологии феодальной государственности Черкесии

В современном историческом обыденном сознании черкесов и в черкесской историографии «начало процессов формирования ранней государственности у предков адыгов принято относить к III тыс. до н.э.» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. Это была эпоха формирования на северо-востоке Малой Азии городов-государств, на основе которых произошло становление во II тыс. до н.э. могущественной Хеттской империи. Генетически с государствами хаттов и касков Малой Азии была связана бытовавшая в традиционном ареале проживания адыгов и абхазов на Кавказе (IV–III тыс. до н.э.) самобытная майкопская культура. Эта древняя эпоха в истории черкесов идентифицируется историками как северная периферия древневосточной цивилизации. Доказана генетическая преемственность с майкопской культурой сменивших ее археологических культур [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8].

Система государственного существования в форме малых политий и городов-государств, объединенных между собой политическими союзами (благъагъэ), совершенно определенно доминировала в политогенезе адыгов во все исторические

эпохи. В эпоху Античности этот тип черкесской государственности сохранялся в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы XIX века... 2001: 2205] (Синдского, Фатейского и др. (VI–IV вв. до н.э.)) и их союзов. Примером такого типа союзничества можно расценивать вхождение Синдского царства в начале IV в. до н.э. в Боспорское царство [История КБАССР 1967: 54]. В период Средневековья эта традиционная модель политогенеза проявилась через расцвет удельных феодальных княжеств и их союзов. Известность получили союзы раннефеодальных адыгских политий – Зихский (V–VIII вв.) (зихи – древнегреческая транслитерация древнего автоэтнонима черкесов *адыги*) [Лопатинский 1891: 1], [Этимология 1965: 336] и Касожский (VIII–X вв.) политические союзы [История КБАССР 1967: 66–69]. В историографии с их существованием связывается становление «единого древнеадыгского народа, отличавшегося общностью территории, языка, культуры, этнического самосознания, феодальным типом социальных отношений и государственного устройства» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. Зихский и Касожский союзы сохранили исконную черту черкесского политогенеза – полицентрическое, децентрализованное политическое устройство. В.Х. Кажаров отмечал, что недостаточная централизация в масштабах Касожского союза «частично компенсировалась усилением государственного начала в отдельных его частях» [Боров, Думанов, Кажаров 1999]. При этом есть сведения о наличии в Касожском союзе мощных центробежных процессов. В начале XI в., к примеру, князь Касожский Ридадэ (Редедя) предстает в Лаврентьевской летописи как суверен единого политического организма [ПСРЛ], [Гадло 2006: 440–441, 447], [Шеуджен 2010: 60]. Попытки централизации Черкесии в пору зрелости феодальных отношений в XIII–XVII вв. и их кризиса в XVIII в. были дискретны. Они осложнялись постоянными экспансионистскими вызовами стране на протяжении столетий (татаро-монгольское нашествие XIII–XV вв., османская экспансия последней четверти XV в. – 1829 г., российская экспансия 1763–1864 гг.). После наиболее мощного центростремительного импульса, имевшего место в эпоху пщышхуэ Черкесии Инала (1427–1456), страна распалась сначала на два, а позднее на три княжества с политическими центрами на западе страны – в Причерноморье, в срединной части – на Кубани в урочище Майкоп и на востоке – в Пятигорье.

В период зрелого феодализма удельные князья «превратились в типичных феодальных государей с определенной территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом» [Налоева 2015: 73]. Все уделы страны консолидировались в начале XVIII в. вокруг трех политических центров [Северный Кавказ в европейской литературе ... 2006: 100]. Во главе этих княжеств стояли избиравшиеся в Хасэ великие князья – пщышхуэ и сословно-представительные собрания. Политический строй феодальных княжеств Черкесии (на примере Кабарды) был идентифицирован Г.-Ю. Клапротом (1807, 1808), как республиканско-аристократический [АБКИЕА: 260]. В.Х. Кажаров, развив его идеи через исследование аграрного строя и государственно-политических институтов, пришел к заключению о том, что с XVI в. черкесские княжества стали управляться «сословно-представительными монархиями в форме федеративных княжеских республик» [Кажаров 1994: 267]. Он называл политическую систему Черкесии также полицентрической [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14] или «децентрализованной сословно-представительной монархией в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 2012: 36]. Безусловно, в данном определении ключевое место принадлежит лексемам *полицентрическая* и *децентрализованная*, отражающим характерную черту черкесского политогенеза, начиная с древности. Особенность управляться на протяжении веков в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы XIX века... 2001: 220] способствовала среди прочих факторов формированию внутри черкесского народа черкесских субэтносов, которые фигурируют в источниках XIX в. как черкесские «народы» или «племена».

Несмотря на то, что использование В.Х. Кажаровым понятия «федеративный» предназначалось, прежде всего, для отличавшейся от других черкесских княжеств многонациональностью Кабарды, которую он именовал также «малой феодальной империей» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 19], надо признать его достаточно условным. Необходимо подчеркнуть, что в Кабарде федеративное политическое объединение, как и во всех регионах Черкесии, было основано на древней традиции децентрализованного государственного устройства. Именно в соответствии с этой политической матрицей были объединены в «федерации» политические субъекты. Если в Кабарде имели место определенные культурно-языковые отличия нескольких субъектов (ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, урусбиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, шестиродные абазины, карачавцы) [Кажаров 1994: 179–180], то в подавляющей части страны принцип децентрализации существовал не по причине значительных языковых, правовых, политических, социально-экономических и культурных различий. Более того, источники подчеркивают полную идентичность в названных аспектах всех черкесских политий. К. Главани в начале XVIII в. их просто называл отдельными провинциями единой страны [Северный Кавказ в европейской литературе... 2006: 142]. Во всех частях Черкесии действовала неписаная Конституция Черкесии или Адыгэ Хабзэ, определявшая «порядок сношений, разрешений споров» внутри княжеств, «формы их объединений и руководства ими» [Катанчиев 2003: 33]. Сан великого князя (пщышхуэ) продолжал играть роль института и символа политической интеграции. Несмотря на политическую децентрализацию, потомки Кеса-Инала Иналиды [Леонтович 2002: 165], правившие в Черкесии в XIII–XIX вв., являлись единственными государями Черкесии и составляли единый и четко очерченный класс князей-пщы. С.М. Броневский очень тонко подметил этот важный нюанс политической системы Черкесии, подчеркивая, что княжеские роды управляются каждый в своем уделе как «властные владельцы, а в народных собраниях, как члены федеративного общества» [Броневский 1999: 175].

Чрезвычайно важен для изучения государственно-политического устройства Черкесии вывод В.Х. Кажарова о том, что Кабарда (а, соответственно, и другие черкесские княжества) не пошла в своем развитии дальше сословно-представительной монархии, как это было в типологически близких черкесам по социально-политическому устройству и менталитету обществах Западной Европы. К примеру, во Франции этот переход к абсолютной монархии состоялся в 1661–1715 гг. [Метивье 2005: 124]. Он показал, что даже в наиболее сильной своим аристократическим классом Кабарде «в господствующих структурах власти и собственности не выработались альтернативные им элементы (даже в самой зачаточной форме), которые впоследствии, в другом историческом контексте, стали бы переходным этапом к образованию абсолютной монархии» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14]. Таким образом, традиция государственного управления через мелкие политии и их союзы стала фактором, который наряду с внешними экспансионистскими вызовами воспрепятствовала формированию не только на территории всей Черкесии, но и в отдельных княжествах, как, например, Кабарда, абсолютистской системы власти.

Проблема типологии черкесского парламентаризма

В свое время большой заслугой советских этнологов стало выявление такой важнейшей специфики черкесской социально-политической системы, как развитие феодальных отношений «под оболочкой различного рода патриархальных институтов и обычаев» [Гарданов 2004: 347]. Заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он продолжил эти исследования на структурно-институциональном уровне. Всестороннее осмысление одного из главных элементов системы государственного

управления Черкесии – Хасэ, привело историка к выводу, что под этой лексемой в различные периоды истории черкесов скрывались разнообразные по своей сущности и характеру институты. Эта лексема обозначала как 1) архаичные народные собрания, так и 2) феодальные законодательные сословно-представительные собрания. В.Х. Кажаров отмечал, что такое словоупотребление не может быть случайностью. Он выявил пять общих параметров в функционировании архаичного народного (Нартхасэ, Хасэ нартов) и сословно-представительного собраний (Хасэ уделов и княжеств). «**Первая** и наиболее очевидная сходная черта заключалась в том, – писал историк, – что та и другая представляли собой политический институт, являвшийся высшим органом власти в рамках того общества, где он функционировал. **Во-вторых**, вся общественная жизнь, как нартов, так и адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы. **В-третьих**, эти советы были отделены от основной массы народа. **В-четвертых**, их состав не избирался. В нартскую хасу могли приглашать особо прославленных героев, но сам народ не избирал их. Внешне примерно так же (во всяком случае, до 60-х годов XVIII в.) обстоит дело и на феодальных советах, в которых князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинников. **В-пятых**, деятельностью этих советов руководил пожизненно избираемый председатель...» [Кажаров 1994: 209–210]. Однако, как отмечал Кажаров, несмотря на ряд общих характеристик, Хасэ в феодальную эпоху не была генетически связана с Хасэ архаической эпохи. Феодальная Хасэ возникла на основе княжеского совета и представляла собой новообразование [Кажаров 1994: 210]. Кажаров показал, что феодальная Хасэ не была застывшим институтом, что она эволюционировала в процессе развития феодальных отношений «от неструктурированных, аморфных совещаний к системно организованному (упорядоченному) сословно-представительному собранию» [Кажаров 1992: 14]. В Кабарде эта трансформация была связана с именем великого князя (пщышхуэ) Кабарды Беслана II (1498–1525) [Кажаров 1994: 84].

Произведенный В.Х. Кажаровым сопоставительный анализ черкесского феодального парламента Хасэ с парламентом Англии, Генеральными штатами Франции, сеймом Польши выявил их типологическую близость [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 17–18]. Она подтвердилась и ходом дальнейшей эволюции Хасэ в последней трети XVIII – первой половине XIX в. в трехпалатные, а в ряде провинций Западной Черкесии – во всесословные Законодательные Собрания. Время существования двухпалатного сословно-представительного собрания в Кабарде было им датировано XVI–XVIII в. (1767 г.) [Кажаров 1992: 15]. Тогда в результате крупнейшего антифеодального восстания, по решению Хасэ Кабарды она была преобразована в трехпалатную. В Западной Черкесии процесс демократизации зашел еще дальше: на месте двухпалатной Хасэ возникла в течение XVIII в. сначала трехпалатная Хасэ, а с 1803 г. по решению Печетникского съезда в Шапсугии в малых демократиях (Абадзехия, Шапсугия, Натухай, Убыхия) [АКАК: 890] трехпалатные феодальные парламенты трансформировались в демократические всесословные законодательные Народные Собрания. Анализ этих трансформаций делает очевидным, что многие из обычаев, регулировавшие деятельность архаических народных собраний, превратились в феодальный и демократический периоды, соответственно, в феодальные и демократические адаты. Общие черты представительных учреждений Черкесии на протяжении тысячелетий можно объяснить их тесной связью с ментальностью черкесского этноса.

Проблема дивергенции путей социального развития Востока и Запада Черкесии

Значительным научным достижением следует признать концепцию В.Х. Кажарова, выявившую причины дивергенции путей общественного развития Востока

и Запада Черкесии с конца XVIII в. Этот процесс был связан с тем, что кризис феодальных отношений в Черкесии протекал двумя разными путями. В соответствии с этим территория страны разделилась на демократически устроенный «запад» и оставшийся аристократическим «восток». В основе этой дифференциации лежали возникшие в период кризиса феодального строя территориальные различия в аграрном строе и появившиеся на этой основе отличия в социальном устройстве и политическом управлении на западе и востоке страны.

Такая дивергенция путей социального развития внутри одной этнической общности или страны для той эпохи была, скорее, типичной, чем уникальной [Сказкин 1973: 199]. Заслуга В.Х. Кажарова состоит в том, что он выявил основу дивергенции путей общественного развития Запада и Востока Черкесии – изменение аграрного строя на Западе страны. Он показал, что до демократических преобразований на территории всей Черкесии имела место полная идентичность (даже в деталях) аграрного строя: в формах землепользования, характере земледелия, особенностях землевладения, формах феодальной ренты и, соответственно, в социально-политической системе. Очевидно, что подобное тождество могло возникнуть «только в рамках одного этносоциального организма, приобретя в нем устойчивую структуру. <...> Неизменное функционирование этой системы на западе и востоке <...> доказывает долгую предысторию ее формирования в рамках одной древнеадыгской народности» [Кажаров 1994: 112–113]. В процессе эволюции общества и классовой борьбы в западной части страны возник отличный от востока страны тип земельного «утеснения». Последствием этого стала замена возникшей в процессе становления феодальной вотчины древней черкесской системы общинно-передельного землепользования системой частного подворного землевладения [Кажаров 1994: 106].

В.Х. Кажаров видел причины такой трансформации, во-первых, в горном ландшафте и малоземелье, а, во-вторых, – в особенностях экономики на западе и востоке страны. В горных областях страны из-за сложившегося типа земельного «утеснения» со временем стала доминировать система интенсивного полеводческого хозяйства. Здесь къяужэ состояли из 5–10 дворов и располагались «сплошной цепью по ущельям и речным долинам», границы между ними были нечетки и размыты [Кажаров 1994: 127]. Со стороны это смотрелось так, будто они располагались сплошной полосой. Обрабатываемые участки примыкали к усадьбам мелких вотчинников и передавались по наследству. Таким образом, в Западной Черкесии, как это было и в Западной Европе, земледельцы, вопреки субъективным устремлениям своих господ, добились превращения своего прикрепления к земле в его противоположность. Земля была превращена в наследственное достояние непосредственного производителя, который «стал считать себя собственником земли не в меньшей мере, чем его господин» [Сказкин 1973: 203]. Трансформация феодальной системы сопровождалась в Западной Черкесии упадком традиционной вотчинной организации, в том числе и вотчины-общины (къяужэ) и «широким распространением мелких тфокотльских вотчин нового типа» [Кажаров 1994: 127].

Важнейшим аспектом проблемы демократизации в Черкесии и дивергенции путей общественного развития является впервые поднятый историком вопрос о демократических реформах в Кабарде. Институциональные исследования позволили В.Х. Кажарову «изнутри» увидеть процессы демократизации в Кабарде. Однако эти преобразования были проведены не «снизу», как в Западной Черкесии, а «сверху» и во главе их стояли не представители среднего сословия, а правящий класс в лице князей (пщы) и дворян (уэркъ). В их основе лежал процесс трансформации фамильной феодальной земельной собственности в Кабарде в первой половине XVIII в. в «малосеймейную или личную собственность феодалов на землю» [История КБАССР 1967: 149]. Кризис феодальных отношений здесь, как

и Западной Черкесии, проявлялся народными восстаниями. Наиболее крупные из них в Кабарде – это восстания под руководством Машуко (начало XVIII в.) и Дамалея (середина XVIII в.).

В.Х. Кажаров показал, что кризис феодальных отношений привел к тому, что Кабарда также как и Западная Черкесия, была охвачена демократическими идеями. Более того, именно Кабарда стала первым черкесским княжеством, где состоялись демократические реформы. Одним из ярких подтверждений процессов демократизации кабардинского общества служит деятельность известного черкесского философа и общественного деятеля, советника пщышхуэ Кабарды Асланбека Кайтукина (1732, 1736–1739) Жабаги Казаноко (1686–1750). Он вошел в историю философии как защитник крестьянства [История философии... 1968: 486–487], [БСЭ 1973], [Сказания о Жабаги Казаноко... 2001: 9], что, очевидно, было связано с усилиями по предупреждению социально-политических преобразований в том радикальном виде, как они имели место несколькими десятилетиями позднее на западе Черкесии. В 1767 г. под давлением самого крупного в истории Кабарды народного восстания, по инициативе правящих кругов двухпалатное сословно-представительное собрание было преобразовано в трехпалатное [Кажаров 1994: 280–281] и внесены определенные изменения относительно правового положения податного сословия.

В Кабарде народное представительство в Хасэ было сформировано не на основе соседской общины нового типа, как на западе Черкесии, а на основе феодальной вотчины-общины (къуажэ). «Логично предположить, что многие из «старшин» попросту назначались их владельцами» [Кажаров 1994: 280], – отмечал Кажаров. В силу отсутствия у вотчины-общины в Черкесии большого потенциала для развития институтов самоуправления, социально-политические реформы в Кабарде не обладали той широкой социальной базой, какую они имели в западно-черкесских землях [Кажаров 1992: 85] и политический фасад феодальной системы здесь не претерпел существенных изменений. В результате этих процессов демократизация в Черкесии пошла на западе «снизу», а на востоке – «сверху» [Кажаров 1994: 281]. Демократические преобразования «снизу» привели к социо- и политико-генетическим процессам, в результате которых на месте княжеств Хегайкия, Жане и части территорий Бжедугии и Кемиргоя появились, говоря словами Г.В. Новицкого, «малые демократии» [АКАК: 890]: Абадзехия, Шапсугия, Натухай и Убыхия.

Историк выявил, что в основе «консерватизма» Кабарды лежал сложившийся на равнинах Черкесии тип земельного «утеснения», способствовавший сохранению традиционной для феодальной Черкесии системы переложно-залежного земледелия [Кажаров 1994: 109, 127]. «Сила» правящего класса Кабарды позволила ему монополизировать земельную собственность в своих руках, став ее «единственным субъектом» [Кажаров 1994: 35], а также произвести демократические реформы «сверху», предотвратив западно-черкесский вариант демократизации общества. Здесь вотчина-община не только не была разрушена, но даже получила дальнейшее укрепление [Кажаров 1994: 105–106]. Таким образом, несмотря на значительное сходство институциональных преобразований в Западной и Восточной Черкесии (создание трехпалатного сословно-представительного собрания Хасэ, изменение ряда норм неписаной черкесской Конституции Адыгэ Хабзэ, регулировавших межсословные отношения, изменение системы композиций), установившаяся разница в аграрном строе двух частей страны, привела к дивергенции социально-политического развития Запада и Востока Черкесии.

Взгляды В.Х. Кажарова на историческое значение демократических процессов в Черкесии отличались некоторой противоречивостью. Его оценка сущности демократических преобразований совпадала с оценкой В.К. Гарданова [Гаданов

1967: 250–251, 328], считавшего демократические преобразования в Черкесии проявлением внутрiformационного кризиса. Валерий Хаширович писал: «Как бы не оценивались предпосылки и результаты общественно-политического переворота у шапсугов, натухайцев и абадзехов, он означал не межформационный, а внутрiformационный кризис феодализма, т.е. он не был буржуазной революцией. Тем не менее, социальные изменения у них были настолько велики, что термин “революция”, употребляемый авторами первой половины XIX века не кажется гиперболой» [Кажаров 1992: 121–123]. В то же время историк отмечал, что если предположить, что развитие индивидуальной частной собственности в Черкесии было вызвано внутренними причинами, то надо согласиться и с тем, что феодализм «разлагался в силу наличия капиталистического уклада» [Кажаров 1994: 6].

Концепция В.Х. Кажарова о дивергенции путей общественного развития Востока и Запада Черкесии открывает совершенно новый взгляд как на социальную структуру черкесского общества, так и на ее отдельные элементы. Особенно актуален анализ стратификации среднего сословия, которое, с точки зрения В.Х. Кажарова, возникнув в Черкесии в XVI в., так до конца и не сформировалось. Однако ученый также отмечал, что те или иные слои внутри этого сословия получили различный социальный и политический престиж в результате разного характера демократических трансформаций в западной и восточной частях страны. Показательно, что термин *лхукъуэл*, которым раньше во всей Черкесии обозначалось все свободное трудовое население, на рубеже XVIII–XIX вв. в условиях Кабарды и Западной Черкесии стал иметь различный смысл. В Кабарде *лхукъуэл* были опутаны сложной системой поземельной зависимости от князей и дворян настолько, что это слово стало ассоциироваться с крепостной зависимостью. При этом они были юридически свободны и, принадлежа к «простому народу» [КРО: 360], составляли его самый низший слой. В Западной Черкесии этот термин обозначал все «среднее сословие свободных людей» [Карлгоф 1860: 523], расслоившееся на несколько уровней. Таким образом, даже это небольшое сопоставление убеждает, что концепция В.Х. Кажарова о характере кризиса феодального строя в Черкесии, а также использованный им структурно-институциональный подход к анализу социальной жизни черкесов, имеет еще очень большой потенциал для плодотворного постижения не только различных аспектов средневековой истории Кавказа, но и для изучения демократических преобразований здесь в XIV–XIX вв.

Список источников

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. Тифлис, 1878.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. XI. М., 1973.

КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах. Т. II. XVIII в. / Сост.: В.М. Букалова. Ред.: Н.А. Смирнов, У.А. Улигов. М., 1957.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 146, 147. [Электронный документ]. Проверено 20.06.2011. Получено с www.lrc-lib.ru/rus_letopis/Laurence/gif_mm.ptp.

Абазов, Губжоков и др. 2009 – Абазов А.Х., Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н. Рахавев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009.

Адыгские песни... 2005 – Адыгские песни времен Кавказской войны / Отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005.

Бгажноков 2009 – *Бгажноков Б.Х.* Отыскать беспристрастную точку зрения // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009.

Боров, Азикова 2008 – *Боров А.Х. Азикова Ю.М.* Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII.

Боров, Думанов, Кажаров 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / Под ред. А.И. Першица. Нальчик, 1999.

Броневский 199 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.

Гадло 2006 – *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 440–441, 447.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Издательство «Наука», 1967. 331 с.

Гарданов 2004 – В.К. Гарданов – историк и этнограф. Нальчик, 2004.

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Философия духа. М., 1977. Т. III.

Губжоков 2014 – *Губжоков М.Н.* Валерий Хаширович Кажаров // Вестник науки / Адыгейский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2014. № 3 (27).

Гуревич 1991 – *Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011 – *Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.* Школа «Анналов» и ее вклад в исследование экономического пространства // Ойкумена. 2011. № 3.

Дмитриев 2004 – *Дмитриев В.А.* Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004.

Иллерицкая 2009 – *Иллерицкая Н.В.* Историки России XIX–XX вв. о содержании и эволюции предмета историографии // История и историки: историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. М., 2009.

История КБАССР 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967.

История философии 1968 – История философии в СССР: В 5-ти томах / АН СССР, Ин-т философии МГУ им М.В. Ломоносова, Филос. фак; ред. кол. В.Е. Евграфов и др. Т. I. М., 1968.

Кажаров 1981 – *Кажаров В.Х.* К вопросу о феодальных привилегиях в общинном землепользовании адыгов в первой половине XIX века // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 65–80.

Кажаров 1982 – *Кажаров В.Х.* Сельская община у адыгов: (Поземельные отношения): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982.

Кажаров 1992 – *Кажаров В.Х.* Адыгская Хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.

Кажаров 1993 – *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993.

Кажаров 1994 – *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.

Кажаров 2005а – *Кажаров В.Х.* У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 301–328.

Кажаров 2005б – *Кажаров В.Х.* «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 326–344.

Кажаров 2006а – *Кажаров В.Х.* Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник / Гл. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 500–511.

Кажаров 2006б – *Кажаров В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 398–436.

Кажаров 2006в – *Кажаров В.Х.* Кабарда в период «духовного правления» // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 255–271.

- Кажаров 2008а – Кажаров В.Х. Проблемы экономического и социокультурного развития кабардинцев в 1822–1917 гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 43–158.
- Кажаров 2008б – Кажаров В.Х. Предпосылки возникновения религиозного фундаментализма в Кабарде в последней трети XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 181–207.
- Кажаров 2008в – Кажаров В.Х. Историческое кабардиноведение в 1945–1957 гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. IX. С. 159–190.
- Кажаров 2012а – Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012.
- Кажаров 2012б – Кажаров В.Х. Историческое сознание, фольклор и национальная письменность кабардинцев в 30–50-е гг. XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. X. С. 190–197.
- Кажаров 2012в – Кажаров В.Х. А.П. Ермолов в кабардинской историографии 90-х гг. XX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. XI.
- Карлгоф 1860 – Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. XXVIII. Кн. II.
- Катанчиев 2003 – Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право. Его особенности. Изд. 2-е. Нальчик, 2003.
- Ковалевский 2006 – Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2 т. Т. I. Майкоп, 2006.
- Леонтович 2002 – Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I, II. Нальчик, 2002. Вып. I.
- Лопатинский 1891 – Лопатинский Л.Г. О народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891.
- Метивье 2005 – Метивье Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV. М., 2005.
- Налоева 1980 – Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды. Сборник статей. Нальчик, 1980.
- Налоева 2015 – Налоева Е.Дж. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик, 2015.
- Робакидзе 1978 – Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2.
- Русские авторы XIX века ... 2001 – Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2 т. Т. I. Нальчик, 2001.
- Северный Кавказ в европейской литературе ... 2006 – Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сборник материалов. Нальчик: «Эль-Фа», 2006.
- Семенов 1998 – Семенов Ю.И. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2.
- Сказания о Жабаги Казаного 2001 – Сказания о Жабаги Казаного / Сост., подготовка текстов к печати, комментарии и приложения З.М. Налоева, А.М. Гугова. Вступительная статья З.М. Налоева. Нальчик, 2001.
- Сказкин 1973 – Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
- Шеуджен 2010 – Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва–Майкоп, 2010.
- Энафф 2010 – Энафф М. Клод Леви-Строс и структурная антропология / Пер. с фр. О.В. Кустовой; под науч. ред. А.М. Положенцева. СПб., 2010.
- Этимология 1965 – Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. Под ред. Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М.: Издательство «Наука» СССР, 1965.

References

- Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the XIII–XX th centuries]. Nal'chik, 1974. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. T. VII. Tiflis, 1878. (In Russian)
- Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3-e izdanie. T. XI. M., 1973. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v dvuh tomah [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries. Documents and materials in two volumes]. T. II. XVIII v. / Sost.: V.M. Bukalova. Red.: N.A. Smirnov, U.A. Uligov. M., 1957. (In Russian)

Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. I: Povest' vremennyh let. Izd. 2-e. L., 1926. Stb. 146, 147. [Elektronnyj dokument]. Provereno 20.06.2011. Polucheno s www.irc-lib.ru[rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp. (In Russian)

ABAZOV A.H., GUBZHOKOV M.N., PRASOLOV D.N. RAHAEV DZH.YA., UNAROKOVA M.YU. *Problemy istorii i etnografii adygov rabotah V.H. Kazharova* [Problems of history and ethnography of the Circassians in the works of V.Kh. Kazharov]. IN: Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statej k 60-letiyu V.H. Kazharova. Nal'chik, 2009. (In Russian)

Adygskie pesni vremen Kavkazskoj vojny [Adyghe songs from the times of the Caucasian War]. Otv. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. (In Russian)

BGAZHONOKOV B.H. *Otyskat' bespristrastnyu tochku zreniya* [Find an impartial point of view]. IN: Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza: Sbornik statej k 60-letiyu V.H. Kazharova. Nal'chik, 2009. (In Russian)

BOROV A.H. AZIKOVA YU.M. *Koncepciya rannego gosudarstva v sovremennoj politicheskoy antropologii* [The concept of the early state in modern political anthropology]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VII. (In Russian)

BOROV A.H., DUMANOV H.M., KAZHAROV V.H. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, puti stanovleniya, problemy* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: origins, paths of formation, problems]. Pod red. A.I. Pershica. Nal'chik, 1999. (In Russian)

BRONEVSKIJ S.M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Izvlechenie po central'nomu i Severo-Zapadnomu Kavkazu* [The latest geographical and historical news about the Caucasus. Extract for the Central and North-West Caucasus]. Nal'chik, 1999. (In Russian)

GADLO A.V. *Poedinok Mstislava s Rededey, ego politicheskij fon i istoricheskie posledstviya* [The duel between Mstislav and Rededey, its political background and historical consequences]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. III. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyj stroj adygskih narodov (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XX century)]. IN: M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1967. 331 p. (In Russian)

V. K. Gardanov – istorik i etnograf [V.K. Gardanov – historian and ethnographer]. Nal'chik, 2004. (In Russian)

GEGEL' G.V.F. *Enciklopediya filosofskih nauk. Filosofiya duha* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Philosophy of spirit]. M., 1977. T. III. (In Russian)

GUBZHOKOV M.N. *Valerij Hashirovich Kazharov* [Valery Khashirovich Kazharov]. IN: Vestnik nauki. Adygejskij institut gumanitarnyh issledovanij im. T.M. Kerasheva. 2014. № 3 (27). (In Russian)

GUREVICH A.YA. *Uroki Lyus'ena Fevra* [Lessons from Lucien Febvre]. IN: Fevr L. Boi za istoriyu. M., 1991. (In Russian)

DEM'YANENKO A.N., DYATLOVA L.A., UKRAINSKIJ V.N. *Shkola «Annalov» i ee vklad v issledovanie ekonomicheskogo prostranstva* [The Annales School and its contribution to the study of economic space]. Ojkumena. 2011. № 3. (In Russian)

DMITRIEV V.A. *Konceptual'noe prostranstvo tradicionnoj kul'tury i prostranstvennoe povedenie narodov Severnogo Kavkaza* [Conceptual space of traditional culture and spatial behavior of the peoples of the North Caucasus]. IN: Severnyj Kavkaz: chelovek v sisteme sociokul'turnyh svyazej. SPb., 2004. (In Russian)

ILLERICKAYA N.V. *Istoriki Rossii XIX–XX vv. o sodержanii i evolyucii predmeta istoriografii // Istoriya i istoriki: istoriograficheskij vestnik / In-t ros. istorii RAN. M., 2009. (in Russian)*

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic]. M., 1967. S. 149. (In Russian)

Istoriya filosofii v SSSR: V 5-ti tomah [History of philosophy in the USSR: In 5 volumes]. AN SSSR, In-t filosofii MGU im M.V. Lomonosova, Filos. fak; red. kol. V.E. Evgrafov i dr. T. I. M., 1968. (In Russian)

KAZHAROV V.H. *K voprosu o feodal'nyh privilegijah v obshchinnom zemlepol'zovanii adygov v pervoj polovine XIX veka* [On the issue of feudal privileges in the communal land use

- of the Circassians in the first half of the twentieth century]. IN: Voprosy etnografii i etnosociologii Kabardino-Balkarii. Nal'chik, 1981. S. 65–80. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Sel'skaya obshchina u adygov: (Pozemel'nye otnosheniya)* [Rural community among the Circassians: (Land relations)]: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. M., 1982. (in Russian)
- KAZHAROV V.H. *Adygskaya Hasa: Iz istorii soslovno-predstavitel'nyh uchrezhdenij feodal'noj Cherkessii* [Adyghe Nasa: From the history of class-representative institutions of feudal Circassia]. Nal'chik, 1992. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Adygskaya votchina. K probleme osnovnoj social'noj edinicy adygskogo feodal'nogo obshchestva.* [Adyghe patrimony. On the problem of the basic social unit of Adyghe feudal societies]. Nal'chik, 1993. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Tradicionnyye obshchestvennyye instituty kabardincev i ih krizis v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th century – the first half of the 20th century]. Nal'chik, 1994. (In Russian)
- KAZHAROV V. H. *U istokov obshchestvennoj mysli kabardincev* [At the origins of Kabardian social thought]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. Vyp. I. P. 301–328. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *«Istoriya adyhejskogo naroda» SH.B. Nogmova i katastrofy ego vremeni* [“The History of the Adykhay People” by Sh.V. Nogmov and the disasters of his time]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2005. Vyp. II. P. 326–344. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Al'ternativy obshchestvennoj mysli kabardincev v pervoj polovine XIX v.* [Alternatives to the social thought of Kabardians in the first half of the twentieth century]. IN: Istoricheskij vestnik / Gl. red. V.H. Kazharov. Nal'chik, 2006. Vyp. IV. P. 500–511. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *O vremeni i obstoyatel'stvah uchrezhdeniya «duhovnyh sudov» v Kabarde* [About the time and circumstances of the establishment of “spiritual courts” in Kabarda]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. III. P. 398–436. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Kabarda v period «duhovnogo pravleniya»* [Kabarda during the period of “spiritual rule”]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2006. Vyp. IV. P. 255–271. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Problemy ekonomicheskogo i sociokul'turnogo razvitiya kabardincev v 1822–1917 gg.* [Problems of economic and sociocultural development of Kabardians in 1822–1917]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VI. P. 143–158. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Predposylki vozniknoveniya religioznogo fundamentalizma v Kabarde v poslednej treti XVIII v.* [Prerequisites for the emergence of religious fundamentalism in Kabarda in the last third of the 18th century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. VII. P. 181–207. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoricheskoe kabardinovedenie v 1945–1957 gg.* [Historical Kabardian studies in 1945–1957]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2008. Vyp. IX. P. 159–190. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.* [Istoriography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the 20th – beginning of the 19th century]. Nal'chik, 2012. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *Istoricheskoe soznanie, fol'klor i nacional'naya pis'mennost' kabardincev v 30–50-e gg. XX v.* [Historical consciousness, folklore and national writing of the Kabardians in the 30–50s. XX century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2012. Vyp. X. P. 190–197. (In Russian)
- KAZHAROV V.H. *A.P. Ermolov v kabardinskoj istoriografii 90-h gg. XX v.* [Ermolov in Kabardian historiography of the 90s. XX century]. IN: Istoricheskij vestnik. Nal'chik, 2012. Vyp. XI. (In Russian)
- KARLGOF N.I. *O politicheskom ustrojstve cherkesskih plemen, naselyayushchih severovostochnyj bereg Chernogo morya* [On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the northeastern coast of the Black Sea]. IN: Russkij vestnik. 1860. T. XXVIII. Kn. II. (In Russian)
- KATANCHIEV T.M. *Kabardinskoe obychnoe pravo. Ego osobennosti* [Kabardian customary law. Its features]. Izd. 2-e. Nal'chik, 2003. P. 33. (In Russian)
- KOVALEVSKIY M.M. *Zakon i obyčaj na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. V 2 t. T. I. Majkop, 2006. (In Russian)
- LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskih gorcev* [Adats of the Caucasian highlanders]. IN: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. I, II. Nal'chik, 2002. Vyp. I. (In Russian)
- LOPATINSKIY L.G. *O narode adyge voobshche i o kabardincach v chastnosti* [About the Adyghe people in general and about Kabardians in particular]. IN: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1891. (In Russian)

- METIV'Е YU. *Franciya v XVI–XVIII vv. ot Franciska I do Lyudovika XV* [France in the 16th and 18th centuries. from Francis I to Louis XV]. M., 2005. (In Russian)
- NALOEVA E.Dzh. *Ob osobennostyah kabardinskogo feodalizma* [On the features of Kabardian feudalism]. IN: *Iz istorii feodal'noj Kabardy. Sbornik statej*. Nal'chik, 1980. P. 20–21. (In Russian)
- NALOEVA E.Dzh. *Kabarda v pervoj polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sociuma i problemy social'no-politicheskoy istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history] / Sost. k.i.n. A.S. Mirzoev. Nal'chik, 2015. (In Russian)
- ROBAKIDZE A.I. *Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaze* [Some features of mountain feudalism in the Caucasus]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. 1978. № 2. (In Russian)
- Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors of the twentieth century about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. V 2 t. T. I. Nal'chik, 2001. (In Russian)
- Severnyj Kavkaz v evropejskoj literature XIII–XVIII vekov* [The North Caucasus in European literature of the 13th-18th centuries]. Sbornik materialov. Nal'chik, «El'-Fa», 2006. (In Russian)
- SEMENOV YU.I. *Predmet etnografii (etnologii) i osnovnye sostavlyayushchie ee nauchnye discipliny* [The subject of ethnography (ethnology) and its main components of scientific disciplines]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. 1998. № 2. (In Russian)
- Skazaniya o Zhabagi Kazanoko* [Tales of Zhabagi Kazanoko] / Sost., podgotovka tekstov k pečati, kommentarii i prilozheniya Z.M. Naloeva, A.M. Gutova. Vstupitel'naya stat'ya Z.M. Naloeva. Nal'chik, 2001. (In Russian)
- SKAZKIN S.D. *Izbrannye trudy po istorii* [Selected works on history.]. M., 1973. (In Russian)
- SHEUDZHEN E. A. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati* [Adygs (Circasians) in the space of historical memory]. Moskva–Majkop, 2010. (In Russian)
- ENAFF M. *Klod Levi-Stros i strukturnaya antropologiya* [Claude Lévi-Strauss and structural anthropology]. Per. s fr. O.V. Kustovoj; pod nauch. red. A.M. Polozhenceva. SPb., 2010. (In Russian)
- Etimologiya. Principy rekonstrukcii i metodika issledovaniya* [Etymology. Principles of reconstruction and research methodology]. Pod red. L.A. Gindina, G.A. Klimova, V.A. Merkulovoj, V.N. Toporova, O.N. Trubacheva. M.: Izdatel'stvo «Nauka» SSSR, 1965. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.А. Озова – доктор исторических наук. зав. отделом истории народов Карачаево-Черкесской Республики.

Information about the author

F.A. Ozova – Doctor of Science (History), Head of the Department of History of the Peoples of the Karachay-Cherkess Republic.